

П.Е. Щеголев

**Первый декабрист Владимир
Раевский**

**из истории общественных
движений в России в первой
четверти XIX века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Е. Щеголев**
Первый декабрист Владимир Раевский: из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века / П.Е. Щеголев – М.: Книга по Требованию, 2015. – 80 с.

ISBN 978-5-458-08722-3

ISBN 978-5-458-08722-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Объ отцѣ Раевского, маіорѣ Ѳедосѣѣ Михайловичѣ, мы знаемъ, что онъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ курской губерніи. Вотчины Раевскихъ находились главнымъ образомъ въ старооскольскомъ уѣздѣ (с. Хворостянка). Старооскольскіе дворяне не разъ выбирали маіора Ѳедосѣя Раевского своимъ предводителемъ. Маіоръ, человѣкъ крутого нрава, былъ не чуждъ литературѣ: намъ извѣстна одна его замѣтка въ «Отечественныхъ Запискахъ» ¹⁾. Жена Раевского происходила изъ рода князей Фениныхъ. У Раевскихъ была очень большая семья. Мы знаемъ имена пяти дочерей и пяти сыновей: Надежда ²⁾, Наталья, Александра,

ч. VIII, стр. 244; Воспоминанія Вельтмана и Пушкина въ книгѣ Л. Н. Майкова „Пушкинъ“, Спб., 1899 г., стр. 81, 86, 125. Кое-какія изъ этихъ свѣдѣній повторяются въ книгахъ А. Н. Пыпина (Общ. движеніе при имп. Александрѣ I), Богдановича (Ист. царств. имп. Александра I, т. VI) и біографіяхъ Пушкина. См. также статью „Изъ Пушкинской эпохи“ въ книгѣ В. А. Мякотина: „Изъ исторіи нашего общества“, Спб., 1902 г. Стихи Раевского напечатаны въ „Русской Старинѣ“, 1890 г., т. 66, стр. 365 и слѣд. Сравн. также нашу замѣтку о Раевскомъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, томъ 51.

¹⁾ „Благодѣтельный помѣщикъ“. Письмо въ редакцію изъ Хворостянки отъ Ѳедосѣя Раевского. „От. Зап.“, 1822 г., ч. 12, стр. 108—111.

²⁾ Была замужемъ за Н. Н. Бердяевымъ, очень богатая, въ свое время блистала въ петербургскомъ свѣтѣ, но пережила тяжелую и печальную старость. Совершенно разорившись, она жила въ имѣніи своей сестры Вѣры, а послѣ ея смерти доживала свои дни въ пріютѣ для престарѣлыхъ дворянъ въ Курскѣ, и умерла, около ста лѣтъ отъ роду, въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Вѣра ¹⁾), Любовь ²⁾), Александръ, Андрей ³⁾), Владиміръ, Петръ ⁴⁾ и Григорій. Изъ всей этой многочисленной семьи право на нашу память заслуживаетъ только Владиміръ Ѳедосѣвичъ, да еще младшій братъ Григорій по своей безпримѣрно-несчастной судьбѣ.

Владиміръ Ѳедосѣвичъ родился 28 марта 1795 года. У насъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ о его дѣтствѣ; мы можемъ только догадываться, что оно не было счастливо. Семейныя отношенія Раевского складывались неудачно и невесело. Отецъ и мать относились къ нему иначе, чѣмъ къ другимъ дѣтямъ, и не скрывали разницы отношеній. Когда другія учились вмѣстѣ въ пансіонѣ, мать присылала имъ денегъ на конфекты, и Владиміру всегда меньше, чѣмъ другимъ сыновьямъ. Объ отцѣ самъ Владиміръ Ѳедосѣвичъ, уже будучи старикомъ, писалъ: «любилъ ли меня отецъ наравнѣ съ братьями Александромъ и Андреемъ,—я не хотѣлъ знать, но онъ вѣрилъ мнѣ болѣе другихъ братьевъ; надѣялся на меня одного,—я это зналъ. Онъ хорошо понималъ меня и въ письмахъ своихъ, вмѣсто эпиграфа, начиналъ: «не будь гордъ,—гордымъ Богъ противенъ»; въ моихъ отвѣтахъ я начиналъ: «смиреніе паче гордости» ⁵⁾). По тому, какъ относились братья и сестры

1) Жена Іоасафа Александровича Попова, новооскольскаго предводителя дворянства.

2) По мужу Веригина.

3) Служилъ въ лейбъ-уланахъ и былъ главнымъ дѣятелемъ по изданію военнаго журнала при г.-ад. Сипягинѣ. См. „Русскій Архивъ“, 1866, стр. 1430.

4) Объ этомъ Петръ внукъ Влад. Ѳед. Раевского сообщаетъ, что онъ былъ извѣстенъ своими безшабашными выходками и скандалами. См. „Русскую Старину“, 1902, мартъ.

5) „Русская Старина“, 1902, мартъ.

къ Владиміру Ѳедосѣвичу, когда онъ былъ въ ссылкѣ въ Сибири, можно думать, что и въ дѣтствѣ нѣкоторые его братья и сестры были непріязненно настроены по отношенію къ нему. По неяснымъ намекамъ, по обращенію отца, можно думать, что и въ дѣтствѣ Владиміръ Ѳедосѣвичъ обнаруживалъ необычайное упорство и силу воли, которыя отмѣчаютъ всю его жизнь. Гордый и одинокій, онъ рѣдко открывалъ свою душу и жилъ невѣдомой для посторонняго глаза сложной жизнью.

Раевскіе заботились о воспитаніи своихъ дѣтей. Мы знаемъ, что дочери ихъ Наталья и Александра воспитывались въ смольномъ институтѣ, а сыновья, Александръ, Андрей и Владиміръ, учились въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. О годахъ своего ученія Владиміръ Ѳедосѣвичъ вспоминаетъ въ слѣдующихъ стихахъ своего посланія къ дочери:

„А я въ твои молодые годы
Людей и свѣта не видалъ...
Я много лѣтъ не зналъ свободы,
Однихъ товарищей я зналъ
Въ моемъ учебномъ заключеннѣ,
Гдѣ время шло, какъ день одинъ,
Безъ жизни, красокъ и картинъ,
Въ желаньяхъ, скукѣ и ученнѣ.
Тамъ въ книгахъ я людей и свѣтъ
Узналъ“...

Въ эти годы Раевскій положилъ начало тѣмъ солиднымъ познаніямъ, которыя выдѣляли его изъ среды сослуживцевъ; быть можетъ, въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ зародилась въ немъ любовь къ литературѣ ¹⁾. Должно быть, прямо со школьной скамьи

¹⁾ Братъ его, Андрей Ѳедосѣвичъ, въ юные годы тоже занимался литературой. Въ „Вѣстникѣ“ 1809 года есть его стихи. Отзывъ объ Андрѣ Ѳедосѣвичѣ см. въ „Запискахъ“ Никитенка.

онъ перешелъ въ военную службу: «17-ти лѣтъ,—говоритъ онъ самъ о себѣ,—я встрѣтилъ безпощадную, кровавую войну». Это былъ 1812-ый годъ—война, роковая въ извѣстномъ смыслѣ для иностранцевъ, принимавшихъ въ ней участіе, и для нашихъ, уцѣлѣвшихъ—для событій 14-го декабря. Раевскій такъ описываетъ свое роковое вступленіе въ жизнь:

„Среди моленій и проклятій,
Средь скопища пирующихъ рабовъ,
Подъ гулами убійственныхъ громовъ
И столами въ крови лежащихъ братій
Я встрѣтилъ жизнь, взопла заря моя“...

Раевскій служилъ сначала въ артиллеріи; за Бородино онъ получилъ золотую шпагу съ надписью: «за храбрость»; съ русскими войсками былъ за-границей. Онъ довольно быстро подвигался по службѣ. Вступивъ въ военную службу позже своихъ братьевъ, онъ обогналъ ихъ; въ одиннадцати сраженіяхъ онъ получилъ два чина за отличіе, и 25-ти лѣтъ, за два года до катастрофы, уже былъ маіоромъ 32-го егерскаго пѣхотнаго полка и имѣлъ два военныхъ ордена. Исторія внѣшней жизни Раевского не сложна и, кажется, исчерпывается данными о его успѣхѣхъ по службѣ. Эта жизнь не имѣла цѣны въ его глазахъ, она была только видимой. «Внутренняя, настоящая моя жизнь разъяснялась для посторонняго наблюдателя только моимъ крѣпостнымъ заключеніемъ»,—говоритъ о себѣ Раевскій. За повседневной, будничной жизнью офицера, состоящей въ отправленіи служебныхъ обязанностей, скрывалась таинственная дѣятельность члена тайнаго общества; за мнимой надменностью и гордостью одиночества таилось глубоко-идеалистическое настроеніе, проникавшее

всѣ помышленія и чувства. Жизнь въ мысляхъ Раевского представлялась странствіемъ къ высокой цѣли и—

„Странника вездѣ одушевлялъ
Высокихъ думъ, страстей завѣтныхъ пламень“ ¹⁾.

Откуда эти идеалистическія настроенія? Самъ Раевскій, будучи уже въ Сибири, искалъ источниковъ своего юношескаго идеализма въ религіозныхъ представленіяхъ:

„Когда я былъ младенцемъ въ колыбели—
Кто жизни планъ моей чертилъ,
Тотъ волю, мысль, призывъ къ высокой цѣли
У юнѣши надменнаго развилъ“ ²⁾.

Здѣсь мы подходимъ къ любопытной психологической чертѣ людей Александровской эпохи, отличавшихся высокимъ идеализмомъ. Были эпохи, когда война рождала мечты о славѣ и являлась источникомъ идеализма, но Раевскій въ своихъ стихахъ весьма опредѣленно говоритъ о томъ, какое событіе его жизни загло въ немъ «высокихъ думъ, страстей завѣтныхъ пламень»:

„Когда, людей еще облитый кровью,
Я сладко спалъ подъ буркой у огня,—
Тогда я не горѣлъ къ высокому любовью,
Высокихъ тайнъ постигнуть не алкалъ,
Не жалъ руки гонимому украдкой,
И шопотомъ надежды сладкой
Жильцу темницы не вливалъ“ ³⁾.

Не во время войны случилось духовное преобразование Раевского, а послѣ, по возвращеніи въ Россію

¹⁾ „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 378.

²⁾ Ibidem, стр. 374.

³⁾ Ibidem, стр. 378, 379.

по вступленіи въ тайное общество. Намъ трудно теперь представить, какое значеніе и какой ореолъ имѣла дѣятельность по тайному обществу въ глазахъ самихъ его членовъ: вступая въ общество, думали, что найдена цѣль жизни,—и жизнь получала какъ бы освященіе. «У многихъ изъ молодежи,—вспоминаетъ И. Д. Якушкинъ,—было столько избытка жизни при тогдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть предъ собой прямую и высокую цѣль почиталось уже блаженствомъ» ¹⁾. Другъ Пушкина, Ив. Ив. Пущинъ, въ слѣдующихъ трогательныхъ строкахъ говорить о своемъ вступленіи въ общество: «эта высокая цѣль жизни самою своею таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла душу мою; я какъ будто получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ: сталъ внимательно смотрѣть на жизнь во всѣхъ проявленіяхъ буиной молодости, наблюдать за собою, какъ за частицей хотя ничего не значащею, но входящею въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно имѣть благотворное свое дѣйствіе» ²⁾. Къ этимъ свидѣтельствамъ присоединимъ еще слова самого Раевского о своемъ вступленіи въ общество:

„Но для слѣнца свѣтъ свыше просіялъ...
И все, что мнѣ казалось загадкой,
Упрекъ людей болѣзненный сказалъ...
И Богъ проститъ мнѣ прежнія ошибки,
Не для себя я въ этомъ мірѣ жить,
И людямъ жизнь я щедро раздарилъ“ ³⁾...

Приведенныя нами свидѣтельства участниковъ дви-

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина, стр. 15.

²⁾ Л. Н. Майковъ. „Пушкинъ“. Спб., 1902, стр. 69.

³⁾ „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 379.

женія ярко закрѣпляютъ въ нашей памяти идеалистическій моментъ въ ихъ дѣятельности. Ихъ жизнь, полная трагизма, совершалась во имя самыхъ отвлеченныхъ истинъ. Они думали работать для блага людей, а это благо они понимали абстрактно, какъ наивысшую цѣнность,—работали для Бога. Въ своей «Предсмертной думѣ» (1842 годъ) Раевскій припоминаетъ свою жизнь, и у него вырываются сильные и вдохновенныя строфы:

„Меня жалѣть?.. О, люди, ваше-ль дѣло?
Не вами мнѣ назначено страдать!
Моя болѣзнь, разрушенное тѣло—
Есть жизни слѣдъ, душевныхъ силъ печать!

И жизнь страстей прошла, какъ метеоръ,
Мой конченъ путь, конецъ борьбы съ судьбою;
Я выдержалъ съ людьми опасный споръ
И падаю предъ силой пеземною!

Къ чему же мнѣ безплодный толкъ людей?
Предъ нимъ отчетъ мой конченъ безъ ошибки;
Я жду не слезъ, не скорби отъ друзей,
Но одобрительной улыбки!“ ¹⁾.

Вспоминая въ 1846 году о поворотномъ моментѣ своей жизни, опредѣлившемъ все ея теченіе и составившемъ ея трагедію, Раевскій писалъ въ посланіи къ своей дочери:

....„Съ волею мятежной,
Какъ видитъ бой вдали атлетъ,
Въ себѣ самомъ самонадежный
Пустилъ чрезъ океанъ безбрежный
Челнокъ мой къ цѣли роковой.
О, другъ мой, съ бурей и грозой

¹⁾ „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 374.

И съ разъяренными волнами
Отецъ боролся долго твой...
Онъ видѣлъ берегъ въ отдаленнѣхъ,
Тамъ свѣтъ зари ему блисталъ;
Онъ взоромъ пристани искалъ
И смѣло вѣрилъ въ Провидѣнье“¹⁾.

Нельзя яснѣе выразить того настроенія, которое одушевляло Раевского въ теченіе всей жизни, того идеалистическаго порыва, необыкновенно сильнаго, мощнаго, который охватилъ его и держалъ въ своей власти отъ момента вступленія въ общество до момента катастрофы.

Внѣшніе мотивы присоединенія Раевского къ тайному обществу—тѣ же, что были и у декабристовъ, и одинаково излагаются во всѣхъ извѣстныхъ намъ запискахъ того времени. Вспоминая объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ къ жизни тайное общество, Раевскій на первомъ мѣстѣ отмѣчаетъ, конечно, вліяніе заграничныхъ походовъ, изъ которыхъ онъ, какъ и всѣ декабристы, «возвратились на родину уже съ другими, новыми понятіями»²⁾; заграничная жизнь открывала передъ изумленными глазами новые, огромные горизонты и всю глубину нашихъ внутреннихъ неустойчивостей: гнетъ крѣпостнаго права, приниженіе личности, жестокость нравовъ, соединенную съ невѣжествомъ. Наряду съ этими первостепенной важности основаніями для возникновенія тайнаго общества, Раевскій рѣзче, чѣмъ всѣ другіе мемуаристы, подчеркиваетъ специфическія, частныя обстоятельства, которыя способствовали возбужденію оппозиціоннаго настроенія и придали всему

¹⁾ Ibidem, стр. 376.

²⁾ „Русская Старина“, 1902, мартъ, стр. 601.

движенію декабристовъ особую, милитаристскую окраску. «Армія, избалованная побѣдами и славою, вмѣсто обѣщанныхъ наградъ и льготъ, подчинилась неслыханному угнетенію. Военныя поселенія, начальники такіе, какъ Ротъ, Желтухинъ и десятки другихъ,—забивали солдатъ подъ палками; боевыхъ офицеровъ вытѣсняли со службы, новые наборы... производили глухой ропотъ... Власть Аракчеева, ссылка Сперанскаго, неуваженіе знаменитыхъ генераловъ и такихъ сановниковъ, какъ Мордвиновъ и Трощинскій, сильно встревожили, волновали людей, которые ожидали обновленія, улучшеній, благоденствія, исцѣленія тяжелыхъ ранъ своего отечества» ¹⁾).

II.

Въ какомъ году и кѣмъ былъ принятъ Раевскій въ члены тайнаго общества, мы не знаемъ. Можно думать, что еще за-границей завязались связи, которыя выросли потомъ въ тайный союзъ, и что Раевскій былъ однимъ изъ первыхъ, примкнувшихъ къ обществу. Достоверно извѣстно, что Владиміръ Федосѣевичъ былъ ревностнымъ членомъ «Союза благоденствія», основаннаго въ 1818 году и прекратившаго свою дѣятельность въ 1821 году. Дѣятельность Раевского была прервана его арестомъ въ февралѣ 1822 года. Слѣдовательно, въ моментъ катастрофы онъ былъ членомъ южнаго тайнаго общества, начавшаго самостоятельное, независимое отъ сѣвернаго, существованіе въ 1821 году. Правда, въ своихъ замѣткахъ, писанныхъ уже въ Сибири въ 1844 году, Раевскій, указывая на то, что слѣдствіе не открыло его принадлежности къ декабри-

¹⁾ Ibid., 601.

стамъ, говорить, что: ~~онъ~~ и не могъ принадлежать къ нимъ, потому что то общество, конечнымъ эффе́ктомъ котораго было 14-е декабря, основалось лишь въ 1823 году. Это утвержде́ніе, какъ увидимъ дальше, не соотвѣ́тствуетъ дѣ́йствительности. Нетрудно объяснить, почему не соотвѣ́тствуетъ: оно написано по поводу оффиціальной бумаги, имѣетъ въ виду указать несо-размѣ́рность понесеннаго Раевскимъ наказанія съ ма-теріаломъ уликъ, и является данью таинственности. Въ интимномъ письмѣ къ сестрѣ Раевскій прямо за-являетъ: «Тайна (ареста и заключенія, длившагося годами) оставалась тайною, и только 14-го декабря 1825 года она объяснилась на Сенатской площади». Очевидно, самъ Раевскій понималъ цѣли и значеніе своей дѣ́ятельности, и зналъ, къ чему она должна была привести. Для того, чтобы выяснить роль Раевского въ тайномъ обществѣ, сущность и значеніе его процесса въ исторіи тайнаго общества, необходимы предвари-тельные свѣ́дѣнія изъ этой исторіи. Мы даемъ ихъ здѣ́сь, ограничиваясь самыми общими и неподлежа-щими сомнѣ́нію данными.

Извѣ́стно, что первые тайные кружки и союзы съ политическимъ направле́ніемъ возникали тотчасъ же по возвращеніи нашихъ войскъ изъ заграничнаго по-хода въ 1815 году. Мы знаемъ о существованіи «Союза спасенія», «Военнаго общества» и другихъ кружковъ. Учредители ихъ берутъ за образецъ извѣ́стные въ Россіи масонскіе союзы и заграничныя тайныя обще-ства. На первыхъ порахъ интересуются ф́ормой больше, чѣ́мъ содержаніемъ; вполнѣ въ духѣ времени—отводятъ много мѣ́ста обрядности и таинственному элементу. Съ годами, общества становятся серьезнѣ́е, объединяются;